

М. Б. Свердлов

К ИЗУЧЕНИЮ ГОСПОДСКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В НОВГОРОДЕ XIII—XIV вв.

В Новгороде периода высшего подъема в XIII—XIV вв. его экономического процветания, развития боярских республиканских (избираемых) институтов, при участии, однако, в военном деле и суде князей, с которыми Новгород заключал особые договоры об условиях их пребывания на новгородской территории и участия во власти, существовала двуединая система земельной собственности. Она представляла собой верховную государственную и наследственную вотчинную (господскую и свободную крестьянскую, черносошную) собственность на землю.¹ Особое внимание исследователей привлекала история в Новгороде крупного и мелкого господского и крестьянского вотчинного землевладения, значительная информация о котором содержалась в массовых с XV в. материалах писцовых книг, актов и нарративных источников.² Между тем, изучение существовавших в Новгородской боярской республике двух видов земельной собственности, верховной государственной и вотчинной (господской и крестьянской), было неразрывно связано с долгой и подчас острой дискуссией в связи с определением формирующихся в этих подсистемах видов земельной собственности и феодальных отношений в общем контексте истории России — феодализма вотчинного, основанного на крупном и мелком землевладении, и государственного феодализма.³

Оба исследовательских направления внесли значительный вклад в изучение средневековой Руси. Первое из них установило конкретные формы господства и подчинения в феодальном хозяйстве, разные виды ренты и повинностей, взимаемых с зависимых людей. Второе — рентные функции государственных податей.⁴ Но оба подхода, по нашему мнению, не раскрыли всех своих аналитических возможностей, поскольку первый из них ограничил анализ феодальных отношений по преимуществу господским хозяйством и отношениями сюзеренитета-вассалитета, тогда как второе объяснило рентные функции государственных податей их производным следствием от верховной государственной собственности на землю как экономической категории, в результате чего все виды государственных податей от земли характеризовались как рента.

¹ См.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981; История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма. СПб., 1994. С. 22—76; см. там же историографию проблемы.

² См.: Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971. С. 53—297, 328—330; Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 30—63.

³ Историографический анализ см.: Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX веков. СПб., 1996. С. 137—319.

⁴ По новгородским материалам см.: Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 138—155.

В развитие этих обоих научных направлений, а также исследований феодальных общественных отношений в научной литературе XVIII—XX вв. автор этих строк продолжил не только конкретный анализ разных категорий зависимых людей в господском хозяйстве, но также предположил, что 1) верховная государственная собственность на землю в средневековых государствах была титульной, 2) система государственных податей и пошлин имела двойственную природу: а) общегосударственную (содержание войска, строительство городов, крепостей, оборонительных пограничных линий и т. д.) и б) рентную — при передаче князем служилым людям натурально-денежного обеспечения (в первоначальной форме — оружие, кони, пиры, деньги), при передаче князем для их содержания податей или при отчислении части податей и пошлин в натуральной и денежной форме (феод-деньги и феодал-должность), а позднее и земельных феодалов в виде пожалования за службу землей в вотчинное или условное владение.⁵

В развитие этих наблюдений анализ господской земельной собственности в Новгородской боярской республике можно продолжить, не только совершенствуя исследовательские методы, но и привлекая в полной мере ранее не использованные акты материалы. Такими источниками являются договоры Великого Новгорода с князьями в XIII—XIV вв. Их положение на периферии исследований данной проблемы объясняется, видимо, тем, что для изучавших новгородскую аграрную историю их информация относилась к «низовским» княжествам и к особой форме межгосударственных договорных отношений. Для исследователей социально-экономической истории северо-восточных княжеств это была тема новгородской истории. Между тем договоры Великого Новгорода с князьями в XIII—XIV вв. содержат ценную и еще не использованную в полной мере информацию для изучения господской земельной собственности на Руси этого периода.

Хорошо известно, что в XIII—XIV вв. Великий Новгород стремился политически, социально и экономически ограничить условия пребывания в нем князей. Это стремление объясняется обоснованными опасениями новгородцев относительно того, что князья постараются закрепиться в Новгороде и расширить там свое влияние. В числе прочих новгородских условий князьям, их боярам и дворянам-слугам постоянно запрещалось «держать», покупать, «даромъ приимати» села.⁶ Но конкретный анализ новгородско-княжеских договорных грамот позволяет выявить в них дополнительную информацию об отношениях земельной собственности, на которые ранее не обращалось достаточного внимания.

⁵ См.: *Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983; его же. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997; историографический анализ исследовательского процесса см.: Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси...*

⁶ Здесь и далее публикацию текстов договорных грамот с князьями см.: *Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер и Е. А. Рыдзевская / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 9—51 (далее — ГВНП); новейший анализ их хронологии см.: Янина В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 124—203. Далее хронология договорных грамот приведена в соответствии с исследованием В. Л. Янина, в скобках указаны датировки по ГВНП.*

В XIII—XIV вв. князья прибывали в Новгород после заключения с ним договора вместе со своим *двором*. Двор представлял собой особую структуру служилых князю людей с совмещенными военными, административно-судебными и престижными служебными при князе функциями и сохранялся при переезде князя на другое княжение. Он состоял из бояр и *дворян* или *слуг* (в XIII—XIV вв. эти понятия использовались альтернативно⁷) и являлся отрядом воинов, административно-судебным аппаратом и слугами княжеского двора. При вокняжении в новом владении князь обычно осуществлял замену предшествующего высшего и среднего звена княжеской администрации членами своего двора. Но Великий Новгород, заключая с новым князем договор, обстоятельно оговаривал функции и условия пребывания на Новгородской земле как самого князя, так и членов его двора. В данной связи важными являются наблюдения В. Л. Янина об участии князя в смешанном суде⁸ после установления там республиканского строя и новых, договорных отношений с князьями. Поэтому приезжавший с князем в Новгород двор сразу совмещался с местной системой военного и административно-судебного управления.

Как отмечено ранее, экономический, социально-политический и правовой статус избираемого Новгородом князя конституировался в предварительно заключенном договоре. Формуляр договоров был традиционен, что свойственно средневековой ментальности, для которой критерием истинности являлась *старина*. В древнейшей сохранившейся договорной грамоте 1264 г. Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем указано, что на таких же условиях княжил в Новгороде его отец, Ярослав Всеволодович (с 1215 по 1236 г. с перерывами). В договорах 1264 (1266) и 1268 (1270) гг. еще более подчеркнута традиционность условий этих договоров со ссылкой на «дедов» и «отца» или «отцов» как обобщающее указание давности.⁹ Поэтому в новгородско-княжеских договорах очень информативны традиционные клаузулы и новации. Как отмечено ранее, нормы этих соглашений стремились максимально ограничить возможности внедрения князя и людей его двора в новгородские социально-экономические, политические и правовые структуры. Но эти же запретительные или ограничительные по содержанию статьи свидетельствуют об их нормативности в положительном содержании для новгородской знати в новгородских владениях, а для членов княжеского двора — в «низовских» княжествах.

Княжие мужи-бояре не должны были получать в управление новгородские волости — исторически сложившиеся территориальные единицы. Они в продолжение древней традиции управляли волостями в своих княжествах, тогда как в Новгородской земле — бояре новгородские.¹⁰ Княжим боярам и дворянам, как и князю с княгиней, запрещалось принимать в качестве закладников крестьян-смердов и купцов, поступавших к ним в зависимость, что предполагало такие действия для новго-

⁷ См.: Сverdlov M. B. Дворяне в Древней Руси // Из истории феодальной России: Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина. Л., 1978. С. 54—59.

⁸ См.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 33—35.

⁹ ГВНП. С. 9—12.

¹⁰ См.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина...

родской знати, а для членов княжеского двора — в своем княжестве. По договорам 1264 (1266) и 1268 (1270) гг. боярам и дворянам-слугам, как и князю с княгиней, запрещалось *держать* — владеть, покупать и принимать «даром», то есть без оплаты, села. Следовательно, такие действия осуществляла новгородская знать и княжеские служилые люди. Получение земли «даром» подразумевало, по нашему мнению, операции завешания, дарения и, учитывая существование закладничества, захват господином земельного владения закладника.¹¹ По договорам 1264 (1266) и 1268 (1270) гг. князю с княгиней, членам их двора запрещалось ставить в Новгородской земле слободы («свободы») — освобожденные от новгородской системы податного обложения поселения зависимых людей, подати от которых получал их владелец.¹² Такие слободы известны еще в 50-е годы XII в., когда Андрей Боголюбский пожаловал их построенному Успенскому собору во Владимире.¹³

Система материального обеспечения дворян при исполнении их служилых обязанностей в Новгородской земле указывается как традиционная — «по пошлннъ», «како пошло исперва»: дворянам (к ним добавлены княжеские тиуны в качестве членов княжеского двора) можно взимать *погон* — денежное обеспечение при исполнении обязанностей, а дорожную повинность — *повоз* — можно взимать только со смердов-крестьян, а в случае военных действий — и с купцов. Данная регламентированная норма также свидетельствует о продолжении древней системы денежного обеспечения княжеских служилых людей при исполнении ими административно-судебных обязанностей.

Новгородско-княжеские договоры не только частично раскрывают формы социально-экономической и политической активности князей, а также членов княжеского двора в своем княжестве и в особых условиях Новгородской боярской республики. Они также указывают пути внедрения князей и членов княжеского двора в местные социально-экономические и политические структуры в случае овладения князьями другими княжествами: они покупали земли, ставили на них слободы с зависимыми людьми, получали земли в виде дарения или вместе с закладниками, получали в волостях должности и деньги в виде отчисления от податей или подати при их исполнении (см. также далее).

Новгородско-княжеские договорные грамоты второй половины XIII—XIV в. свидетельствуют о преемственности (с определенными

¹¹ ГВНП. С. 9—13. Ю. А. Лимонов интерпретирует запрещение принимать дворянину село «даром» как *дар* земли и села дворянину за службу (Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 159). Такое мнение не представляется доказанным, поскольку тот же запрет распространяется также на князя и княгиню, что свидетельствует отнюдь не о пожаловании им земли и села за службу. К тому же, как следует из терминологии грамот, княжеское земельное пожалование выражалось не словом *дар*, а глаголом *дати* (см. далее).

¹² По мнению Ю. А. Лимонова, «ставить» «слободы» доступно крупному и богатому феодалу-боярину, князю, княгине, тогда как для «систематической купли земли» у дворянина не было денег. Поэтому, по его мнению, землю дворянин получал безденежно, за службу (Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь... С. 159). Такая интерпретация не убеждает, поскольку речь идет не о «систематической купле земли», а о запрете ставить слободы, поэтому дворянин относительно слобод на Новгородской земле указан в равном положении с боярином, князем, княгиней, а это подразумевало наличие у него денег для покупки земли и сведения на нее зависимых людей.

¹³ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 348.

коррективами) форм княжеской, княжеской служилой и новгородской знати социальной и экономической активности, свойственной им в середине XIII столетия. Но к концу XIII в. социальная активность новгородской знати, северо-восточных княжеских бояр и дворян-слуг (в данном случае — тверских) существенно развилась: они должны были взаимно выдавать не только закладников, но также холопов, должников и поручников.¹⁴ Вопреки постоянным новгородским запретам князя, княжеские бояре и дворяне-слуги продолжали покупать села в Новгородской земле. Согласно грамоте 1317 г., составленной в сложных для тверского князя Михаила Ярославича обстоятельствах, выясняется, что эти купли совершались не только при нем, но также и в новгородское княжение (в порядке перечисления в грамоте) Александра Невского, Ярослава Ярославича, Василия Ярославича, Дмитрия Александровича и Андрея Александровича, то есть с середины 30—40-х гг. XIII в. От этих сел бояре и дворяне-слуги должны были отказаться после многих (до 70—80) лет владений.

Однако показательно, что конфисковывались села, купленные только в новгородское княжение последнего из князей, Михаила Ярославича: «А што сель покупили мои бояре и слуги в мое княженье, тѣх сель отступили есмь Новугороду бес кунь». Села, купленные в княжения его предшественников, начиная с Александра Невского, можно было только выкупить: «на тѣх сельхъ куны имати у истьца, а земля к Новугороду; не будеть истьца, целовати ему, како не вьдаеть истьца, и колько будеть даль на сель, куны взяти у Новагорода, а земля к Новугороду. А у кого имуть окупати село, колко у него будеть сель, вся имь окупати села одинава», то есть кто продал село, у того следовало покупателю взять деньги, а земля становилась новгородской собственностью; когда по прошествии долгого времени первоначальный владелец села равно как и стоимость этого села, уже были неизвестны, то деньги новому владельцу (видимо, по современной оценочной стоимости) должны были выплачивать новгородские власти, а земля становилась собственностью Новгородской республики. При этом оговаривалось, что таким образом у владельца выкупались все села, сколько бы их ни было, то есть их могло быть несколько или много.

Из этих развитых по содержанию выкупных операций следует, что 1) купленные новгородские села князей, княжеских бояр и дворян-слуг являлись их полными и наследственными владениями, 2) запрещения покупать села на новгородской территории ими не выполнялись, 3) после запретов, установленных и обновленных в новгородско-княжеских договорах, новгородские села князей и княжих служилых людей оставались их вотчинами.¹⁵ Более того, перемены князей на новгородском столе не сказывались на их владении такими селами, хотя в северо-восточных землях эти князья враждовали и являлись политическими соперниками. Отсюда следует, что с первой половины XIII в., со времени новгородского княжения Александра Невского, фиксируется право реальной экстерриториальности господской земельной собственнос-

¹⁴ ГВНП. С. 14—15; о датировке этих грамот см.: Янин В. Л. Новгородские акты... С. 150—155.

¹⁵ ГВНП. С. 24; Янин В. Л. Новгородские акты... С. 155—161.

ти князей и княжих служилых людей, а также титульное верховное право государства — Новгородской боярской республики на землю.

Как следует из договора Новгорода с тверским великим князем Александром Михайловичем, всего 10 лет спустя, в 1327 г.,¹⁶ стремление князя, его бояр и дворян-слуг к землевладению в Новгородской «волости» оказывается еще более активным и даже агрессивным, чем можно представить по нейтральным формулировкам грамоты 1317 г. За короткий период до первых месяцев 1327 г.,¹⁷ когда был заключен договор, тверской князь Александр Михайлович и его мужи уже имели в новгородских владениях купленные села, причем в соответствии с условиями этого договора они оставались за новыми владельцами: «А что Олександровыхъ княжихъ сель купленныхъ или его мужь, а то поидеть къ Олександру князю по исправь, по хрьстьяному цюлованью, по заводу ...».¹⁸ Новый договор вернулся к вопросу о выкупе Новгородом ранее купленных князьями и княжими людьми сел. При этом оказалось, что в короткие новгородские княжения Юрия Даниловича Московского и Михаила Ярославича Тверского эти князья и их мужи также успели приобрести села. Указываются и другие формы их приобретения: кто — «даромь отъяль», то есть без оплаты, а кто «сильно» — насилем. Такие села Новгородом конфисковывались. Купленные села выкупались Новгородом по установленному в договоре 1317 г. порядку, но и тут существенное обстоятельство, которое появилось, видимо, в результате предшествующей практики выкупных операций: владельцы сел, которые остались не выкупленными, продолжают ими владеть, «доколь не окупятъ», то есть их владельческие права на новгородские села продолжают признаваться, а право конфискации не осуществляется.

Как отмечено ранее, информация сохранившихся новгородских договорных грамот XIII—XIV вв. о формах экономической и социальной активности северо-восточных князей на территории Новгородской боярской республики предполагает их нормативность и в «низовских» княжествах. Сохранившиеся со второй трети XIV в. северо-восточные по происхождению акты и источники свидетельствуют об объективности их информации и подтверждают данное предположение.

Князья, их бояре и слуги-дворяне не только владели землями в своих княжествах, но и стремились, пользуясь правом экстерриториальности землевладения, купить села в чужих княжествах подобно тому, как это делалось в Новгородской земле. Противодействовать этому натиску было сложно не только Новгородской боярской республике в XIII—XIV вв., но и «низовским» князьям. Уже в середине XIV в. великий князь Семен Иванович оговорил в докончании с братьями Иваном и Андреем запрещение покупать села княжеским боярам и слугам в других уделах.¹⁹ Но все эти меры были бесполезными, поскольку сами князья стремились к подобным куплям.

Такие владения становились вотчинными. Но уже в первой трети XIV в. отмечается условное землевладение. В духовной грамоте Ивана

¹⁶ ГВНП. С. 27—28; Янин В. Л. Новгородские акты... С. 161—163.

¹⁷ Янин В. Л. Новгородские акты... С. 162—163.

¹⁸ ГВНП. С. 27.

¹⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л. 1950 (далее — ДДГ). С. 20, 31.

Даниловича Московского (около 1339 г.) указывается, что он «дал» Борису Воркову купленное в Ростовской земле село Богородичное. Если этот Борис будет «служить» одному из сыновей Ивана Калиты, село за ним останется, если же нет — село «отнимут».²⁰ В данной связи С. Б. Веселовский отмечал, что в XIV—XV вв. «практиковалось условное держание княжеской земли как вознаграждение за службу и обеспечение служилого человека», что, впрочем, не было системой и применялось в ограниченной сфере княжеского хозяйства.²¹ Определяя характер земельного владения Бориса Воркова, Л. В. Черепнин предложил два варианта: Иван Калита купил вотчину Воркова и оставил ему на условиях службы (то есть вотчина стала бенефицием), или он купил ее у другого землевладельца и отдал Воркову на условиях, близких к поместному праву. Куплю московскими князьями земельных владений в чужих княжествах Л. В. Черепнин характеризовал как обеспечение ими социально-экономической опоры, чтобы укрепиться там политически.²² В. Б. Кобрин упомянул владение Бориса Воркова только в политическом контексте как одно из свидетельств проникновения влияния Москвы в Рязанской земле при Иване Калите.²³ Между тем, как представляется, рассматриваемое известие духовной грамоты Ивана Даниловича имеет большое значение для изучения истории землевладения княжеских служилых людей, в том числе и в Новгородской боярской республике. Раздельное указание в грамоте купли московским князем села Богородичного в Рязанской земле без указания его владельца и передачи его Борису Воркову, по нашему мнению, не свидетельствует о превращении его из вотчинного владения Воркова в условное. Более достоверным представляется второй вариант интерпретации, предложенной Л. В. Черепниным. Но содержание этой «дачи» села можно раскрыть несколько иначе. Иван Калита «дал» купленное им село Борису Воркову только при условии службы князю, а после его кончины — одному из его сыновей, то есть это — условное землевладение в виде держания, аналогичного западноевропейскому феодалу-земле. Поэтому оно представляло собой материальное обеспечение за службу, как отметил С. Б. Веселовский. Нет данных о том, насколько широко было распространено это явление. Но существование в северо-восточных княжествах условного землевладения наряду с вотчинным у служилых князю людей следует отмечать уже с первой трети XIV в. Оно дополняло давно существовавшую традицию их натурально-денежного обеспечения, но было ли это началом нового периода в развитии феодальных отношений на основе земельных феодалов как формы материального обеспечения за вассальную службу или продолжением уже существовавшей традиции — исторические источники пока не позволяют сделать определенный вывод.

²⁰ Там же. С. 10, 12.

²¹ См.: Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947. С. 264.

²² См.: Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 195—196.

²³ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 61.

Активное распространение вотчинного землевладения бояр и слуг, условное землевладение слуг-дворян за исполнение ими служилых обязанностей имели следствием территориальное указание в письменных памятниках не только бояр, что было традиционно, но и слуг (бояре и слуги кашинские, московские, Новгорода, Торжка в порядке перечисления в договорной грамоте 1375 г. Дмитрия Ивановича Московского и Михаила Александровича Тверского).²⁴ Но экстерриториальные вотчинные и условные земельные владения бояр и слуг создавали сложные проблемы в связи с их обязанностью военной службы своим князьям и подчиненностью княжеским воеводам.²⁵ В этой сложной коллизии князь в периоды их союзных отношений нашли остроумный выход: «... а твоихъ бояръ, хто имет жити въ моемъ уделъ и в [великомъ] княженьи, и тѣмъ похати с моимъ воеводою, а моимъ по тому же съ твоимъ воеводою».²⁶ Впрочем, как свидетельствует новгородская практика, при враждебных отношениях князей купленные в чужих княжествах или в Новгородской земле села бояр и слуг-дворян оставались в вотчине, наследственном владении. К тому же бояре и слуги-дворяне, купленные земельные владения которых находились на территории Новгородской боярской республики, оказывались в непростом положении в случае обострения отношений Новгорода с тверскими и московскими князьями, на стороне которых они должны были воевать. Такое положение бояр и слуг-дворян оказывалось крайне противоречивым, если князь «давали» им земли из своих купель в качестве условного владения на новгородской территории:²⁷ они должны были находиться в войске князя, который вел военные действия против Новгорода, где находились их земельные владения, — вотчины и условные держания. Такие условные владения, подобные княжеской земельной «даче» Борису Воркову, в рассмотренных ранее новгородско-княжеских договорах могли подразумеваться в числе княжеских купель и держаний. Этим же объяснялось и постоянное стремление Новгорода всеми средствами предотвратить появление на своей территории земельных владений князей, их бояр и дворян-слуг.

Анализ отношений земельной собственности в Новгородской боярской республике XIII—XIV вв. позволяет установить их сложную структуру. Она предполагала титульную верховную собственность государства (Новгорода) на землю, что выразилось в запретах приобретать ее тверским и московским князьям, их служилым людям, боярам и дворянам-слугам, а также потенциальную возможность конфискаций вотчинной земельной собственности. Вотчинные земельные владения могли быть наследственными, могли приобретаться посредством купель, заклада («даромъ»), а также насилем. Такой вид земельной собственности на новгородской территории был свойствен не только новгородцам, но также князьям, их боярам и слугам-дворянам, при этом тради-

²⁴ ДДГ. С. 26—27.

²⁵ Там же. С. 21, 32.

²⁶ Там же. С. 32.

²⁷ Ю. А. Лимонов рассмотрел возможность существования дворянского землевладения на новгородской территории в виде княжеского пожалования, видимо, только в вотчину, судя по неопределенности использованной им терминологии (Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь... С. 158—159).

ции и практика вотчинного владения оказывались сильней титульной верховной новгородской собственности. Поэтому попытки новгородских тотальных конфискаций земельных владений не удавались, сводясь к принудительному выкупу, и то с исключениями. Наконец, можно предположить, что часть княжеских купель на новгородской территории передавалась слугам-дворянам в условное владение. Данная сложная структура господской земельной собственности в Новгороде постоянно создавала не только условия для укрепления там княжеской власти, но и угрозу новгородскому общественно-политическому устройству со стороны княжих людей, которые становились новгородскими землевладельцами.

Такая структура титульной верховной государственной, вотчинной и условной господской земельной собственности ставит еще один вопрос: почему князья и их служилые люди, несмотря на определенные политические и административные ограничения, постоянно приобретали земельные владения на новгородской территории. Экономическим и правовым основанием для земельных купель и других форм приобретения земли являлась экстерриториальность вотчинного владения в средневековых обществах. Но, вероятно, была и другая причина, относящаяся к исторической традиции и общественному сознанию. Новгородская боярская республика и северо-восточные княжества исторически продолжали традиции некогда политически единого Русского государства. Они представляли собой традиционное этнокультурное пространство (при региональных различиях и постоянной многоэтничности), определяющее значение в котором имел восточнославянский, позднее — русский этнос. Они принадлежали к конфессиональному пространству одной православной митрополии в составе Константинопольской патриархии. Со второй половины XIII в. политически они входили в одну систему Великого княжения Владимирского. Вероятно, все эти факторы формировали в высших сословиях восприятие северо-восточных княжеств и Новгородской земли как единого этнокультурного пространства, на которое по традиции и закону могла распространяться их экономическая и социальная активность.

О проходящих через столетия идеях исторической преемственности Русской земли как единого политического, культурного и конфессионального пространства через 100 лет после распада Киевской Руси свидетельствует неизвестный автор «Слова о погибели Русской земли»: «О, светло светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местнотимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами Божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!» (поскольку древнерусский текст не является объектом специального исторического или терминологического анализа, здесь и далее приводим его в переводе).²⁸ Те же идеи сохранены и в написанной, вероятно, вскоре после Куликовской битвы «Задонщи-

²⁸ Библиотека литературы древней Руси. Т. 5: XIII век. СПб., 1997. С. 91; перевод Л. А. Дмитриева.

не» (до смерти Дмитрия Донского в 1389 г.): «Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. <...> С той поры земля Русская невесела; от Калкской битвы до Мамаева побоища тоской и печалью охвачена, плачет, сыновей своих поминая, — князей, и бояр, и удалых людей, которые оставили дома свои, жен и детей, и все достояние свое, и, заслужив честь и славу мира этого, головы свои положили за землю за Русскую и за веру христианскую».²⁹ Число таких примеров, свидетельствующих о традициях преемственности Русской земли как исторически единого политического, культурного и конфессионального пространства в ментальности русских людей XIII—XIV вв., можно значительно умножить. Поэтому можно предположить, что активное приобретение тверскими и московскими князьями, их боярами и слугами-дворянами земель на новгородских территориях являлось следствием не только их экономической, социальной и политической экспансии, права экстерриториальности земельной собственности, но также результатом их восприятия Русской земли как единого этнокультурного пространства, несмотря на определенные региональные, политические и историко-культурные различия и вопреки реальному существованию относительно самостоятельных государственных образований в виде княжеств, Новгородской и Псковской республик.

²⁹ Библиотека литературы древней Руси. Т. 6: XIV—середина XV века. СПб., 1999. С. 105; перевод Л. А. Дмитриева.